

Константин Колчигин

Ранняя осень

книга первая

Изгнанник

Константин Колчигин

**Ранняя осень. Книга
первая. Изгнанник**

«Accent Graphics communications»

2013

Колчигин К. В.

Ранняя осень. Книга первая. Изгнанник / К. В. Колчигин —
«Accent Graphics communications», 2013

XXIII век. Межзвездная экспедиция высаживается на необычную планету, являющуюся единственной в системе красного карлика, находящейся в начале пространственно-временного коридора. Поскольку преступные организации нередко внедряют в состав экипажа своих агентов, то для безопасности в экспедицию под видом пилота высшей категории включен комиссар охраны межзвездных трасс. У экспедиции возникли осложнения – едва не половина экипажа действительно оказалась членами преступной группировки. Вроде бы преодолев трудности, при возвращении экспедиция заблудилась во времени, попав не домой, а предположительно в прошлое Земли... или вовсе в другой мир, откуда еще нужно выбраться. Главный герой – человек незаурядный и с трагичной судьбой. Для него лично по ряду причин, скрывающихся в прошлом, возвращение невозможно – ему нет места среди прочих людей. Потому вынужденно он становится изгнанником. Как и все герои автора, Андрей Клеверов – личность сильная, он не умеет и не желает быть «как все», идя своим нелегким путем... Ю. Лиска

© Колчигин К. В., 2013

© Accent Graphics
communications, 2013

Содержание

Предисловие	6
Пролог	7
Глава первая	11
I	11
II	14
III	17
IV	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Константин Колчигин

Ранняя осень. Книга первая. Изгнанник

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Предисловие

Мысль о возможности путешествия во времени большинству ученых всегда была не по душе. Если в мире происходит то или иное событие, связанное с деятельностью человека, разумно предположить, что человек этот является современником своей эпохи.

И было бы абсурдным думать, что он родится лишь поколение спустя. Сама мысль о нарушении принципа причинности отвергается человеческим умом, который строит физическую действительность окружающего мира на рациональных положениях. Подобные явления мы находим невозможными, поскольку они нарушают фундаментальные законы природы, во всяком случае, в той мере, в какой нам эти законы известны.

Некоторые теории и гипотезы релятивистской космологии допускают возможность сдвигов в пространственно-временном континууме, хотя они, конечно, не являются последней инстанцией в постижении истины. Возможно, они представляют лишь идеализацию, описывающую процессы, не существующие реально. Тем не менее, разве мы вправе отрицать и возможность действия каких-либо дополнительных эффектов, открывающих нам прошлое, которое закрыто лишь человеческим разумом? Разве не может непрерывное многомерное образование включать в себя бесчисленное множество Вселенных, слагающих в единый континуум прошлое, настоящее и будущее?

На подступах к тайнам пространства-времени мир в космологических масштабах порой кажется даже в принципе непознаваемым.

Пролог

Вдали догорали костры... Стойбище готовилось ко сну. Утихли визгливые крики бранившихся женщин, все реже слышался лай собак. От реки поднимался туман. Становилось холодно.

– Пойдем, Тер? – тихо сказал молодой человек, положив руку на шею огромного лохматого пса, сидевшего у его ног.

Позади зашуршал песок. Под густой шерстью пса напряглись стальные мускулы. Его хозяин остался недвижим, но правая рука скользнула к поясу, на котором висел тяжёлый боевой нож. Из темноты показался высокий индеец и, подойдя ближе, сел напротив, на днище перевернутой пироги. Неторопливо набил трубку, закурил, несколько раз медленно и глубоко затянулся.

– Черный Орел пришел говорить с тобой, Синеглазый.

– Синеглазый слушает великого вождя, – ответил молодой человек.

– Старики долго думали... – медленно заговорил индеец. – С тех пор, как Синеглазый Воин поселился близ наших вигвамов, племя не знает голода и холода. Синеглазый научил нас выращивать плоды, растущие в земле и на деревьях, научил приручать диких животных, добывать железо, черный горючий камень и многому из того, чего не знали даже самые мудрые вожди. Синеглазый наш брат – разве не поделился он с нами своей мудростью подобно настоящему брату? Но он одинок, а в его вигваме так много места! Пусть он возьмет в жены трех самых красивых девушек племени. Мужчина не должен жить один!

– Синеглазый благодарен Черному Орлу за его предложение, но он может взять в жены лишь женщину своего племени, – отозвался молодой человек, задумчиво вглядываясь в темную холодную воду реки.

– Разве Синеглазый Воин не стал сыном нашего племени? – спросил вождь после очередной глубокой затяжки.

– Великий вождь! Синеглазый – сын твоего племени, но по закону рода у его жены должна быть белая кожа, синие глаза и золотые волосы.

– Среди нас нет воинов, равных по силе и ловкости Синеглазому, а мудрость его велика как море. Почему же он не возьмет себе жену из племени белых, живущих по ту сторону гор? Многие великие воины поступали так.

«Что же ответить тебе, наивный краснокожий?»

– Видел ли Черный Орел женщину с золотыми волосами?

– Никогда.

– Теперь вождь должен понять, как нелегко Синеглазому выполнить завет своих старейшин.

– Черный Орел понял Синеглазого, – индеец поднялся. – Завтра племя сеет земляные плоды. Я жду своего брата на поле.

– Я приду, вождь.

Черный Орел скрылся в темноте. Молодой человек постоял несколько минут, вглядываясь в туманную лунную дорожку на зеркальной глади реки, как всегда, восстанавливая в памяти прошедший день...

...Князь Николай Николаевич Березин принимал гостей. Публика, по его мнению, была неважной – одни проходимцы да разбойники, тем не менее Березин встречал гостей столь же радушно, как и в родном имении. Но новый свет пугал князя-эмигранта, волей случая оказавшегося на этой земле, кругом были лишь чужие люди – ни одного соотечественника.

– О чем задумались, князь? – со светской непринужденностью, которую Березин терпеть не мог, обратился к нему маркиз де Морье. – Россию вспоминаете? Там вы, конечно, не устраивали таких роскошных приемов?

– Что вы, господин маркиз! Конечно, нет – ответил князь, подумав, однако: «Тебе и не снилось, французская морда, какие я устраивал приемы!»

Бал был в самом разгаре. Николай Николаевич нашел глазами графа Андре де Ла Клера. Высокомерный аристократ сидел в одиночестве. Дамы с интересом поглядывали на него, держась, впрочем, на расстоянии. Несомненно, граф производил впечатление и порой даже благоприятное. Внешность безупречная, отрешенный взгляд. Молчалив – бывало и слова за день не произнесет. Березин подсел к графу.

– Я хотел просить у вас совета, – неуверенно начал он. – Речь пойдет о маркизе де Морье. Как видите, маркиз уделяет много внимания моей дочери. К несчастью, я слышал о нем очень мало хорошего.

– Беспокоитесь за свою девочку, князь? – с легкой иронией произнес де Ла Клер и взглянул на прелестную светловолосую девушку, беседующую с красавцем-маркизом.

– Элеонора совсем дитя, – вздохнул князь, – если бы вы постарались избавить ее от этого пирата...

– Вы знаете, князь – я не ухаживаю за женщинами.

– Это моя просьба, дорогой граф. В мире не так уж часто встречаются молодые люди с вашими манерами и внешностью. Вы сумеете ее отвлечь.

Маркиз заметил пристальный взгляд де Ла Клера.

– Может быть, вас мучает ревность, граф? Я готов предоставить вам возможность быть вторым!

– Мерзавец, – прошептал князь, впрочем, понимая, что это слово все же не в состоянии описать личность маркиза.

– Месье де Морье, – ледяным тоном произнес граф. – Вы – гость князя, и из уважения к хозяину дома я не нахожу возможным дать вам должный ответ.

– Да вы просто боитесь, подобно месье Березину, – ухмыльнулся маркиз, демонстрируя независимость в вопросах этикета.

– Меня не удивляет ваше поведение, оно так соответствует вашему образу жизни и вашему понятию о чести.

– Что вы этим хотите сказать, черт побери?! – вспыхнул маркиз, безуспешно пытаясь понять смысл слов графа.

– Мне надоела ваша наглая физиономия, месье де Морье, – сжалился над собеседником де Ла Клер, заговорив более доступным языком.

– Я полагаю, в саду нам будет довольно места? – с любезной улыбкой спросил маркиз, входя в привычную роль. Он повернулся к молодому человеку, стоявшему рядом. – Месье де Коре, не окажете ли вы мне честь стать моим секундантом?

Кавалер де Коре поклонился. Березин, набравшись храбрости, предложил графу свои услуги.

– Должен предупредить, граф: я убью вас.

Де Ла Клер презрительно усмехнулся:

– Мне не нужна ваша жизнь, месье де Морье, и я не стану убивать вас, но никогда ваша правая рука уже не сможет с прежней твердостью держать шпагу.

Дворяне вышли в сад. Однако отсутствие их было недолгим. Вскоре раздались страшные крики, и в зал вбежали побелевшие от ужаса секунданты во главе с маркизом, зажимавшим рукой глубокую рану у локтя.

– Конница Призраков! – задыхаясь, произнес кавалер де Коре.

Впрочем, на сильно подвыпивших гостей это заявление не произвело решительно никакого эффекта. Вошел де Ла Клер. Лицо его было спокойно, заметив, что на него смотрит Элеонора, он повернулся к девушке:

– Я сохранил маркизу жизнь, чтобы не портить вам праздника, сударыня.

– Очень признательна вам, господин граф, – сухо ответила юная княжна.

Андре де Ла Клер опустился на диван.

– Де Морье, наверное, очень милый собеседник? – вдруг спросил он.

Девушка подняла голову и, встретившись глазами с графом, невольно задержала взгляд.

– Вы странный и, возможно, ужасный человек, господин де Ла Клер, – вздохнула она, опуская глаза. – Ваша внешность говорит только о хорошем, но на лице иногда столько зла... Что так испугало вашего противника?

– Должно быть, маркиз испугался собственной тени, – небрежно ответил граф. – Но, простите, княжна, почему вы не прогоните меня? Разве я не причинил вред вашему поклоннику?

– Сударь, – подняв глаза на собеседника, холодно произнесла Элеонора. – Что стоит маркиз и что можно ждать от него, я знаю не хуже вас. Жаль, что мой отец счел возможным обратиться к вам за помощью, в которой я вовсе не нуждалась. Поэтому я не нахожу себя обязанной...

Граф вдруг улыбнулся, не сводя с девушки взгляда:

– Разве я прошу у вас благодарности, милое дитя?

– Если бы у вас всегда было такое лицо и такие глаза, – покачала головой девушка. – Всю жизнь можно смотреть.

– Ваша искренность, Аленушка, просто ошеломляет.

Княжна вздрогнула, услышав чистую родную речь и имя, которое много лет произносил только ее отец.

– Некоторые люди говорят про вас ужасные вещи.

– И вы верите? – глядя на танцующие пары, спросил де Ла Клер.

– Не знаю...

– Чтобы судить праведника, дитя мое, нужно самому быть святым.

Пробило десять часов.

– Мне пора, – поднялся граф.

– Опять на целую вечность? – улыбнулась Элеонора.

– Если вы пожелаете, сударыня, мы еще увидимся.

– Буду рада, если вы опять будете таким как сейчас, – подавая руку, сказала княжна.

За окнами сверкнули молнии, грянул гром, зазвенели стекла. Де Ла Клер выпустил руку девушки и протянул ей золотой браслет, богато украшенный драгоценными камнями.

– Если вам когда-нибудь потребуется помощь, поверните большой изумруд на один оборот.

– И тогда, словно в сказке, произойдет чудо? – вновь очаровательно улыбнулась девушка.

– Да, словно в сказке я приду и избавлю вас от любой опасности, от любого числа врагов, – весело рассмеялся де Ла Клер и, поклонившись, пошел к двери, по дороге простившись с князем.

Девушка машинально надела браслет на правую руку, задумчиво проводив взглядом стройную фигуру графа...

...Тот, кто называл себя графом Андре де Ла Клером, придерживаясь за ошейник собаки, поднялся на высокий яр и пошел по узкой тропинке вглубь леса. На большой лесной поляне стояло странное сооружение серебристого цвета в форме сплющенного эллипсоида с полуосями примерно пять на пятнадцать метров – это был типичный скаф – жилище астронавтов. Во второй половине двадцатого века скаф вполне бы сошел за «летающую тарелку», а для темных индейцев это был всего лишь «вигвам Синеглазого», и они считали это естественным,

поскольку других жилищ белых людей племя еще не видело. Как и всякая «летающая тарелка», скаф мог передвигаться, хотя и с умеренной (крейсерский режим – порядка пятисот узлов) скоростью. Назначение его состояло в другом: обеспечить в жестких условиях максимальный комфорт для шести-восьми человек. Монолитный корпус выдерживал большие давления, а многослойная изоляция позволяла использовать аппарат в широком интервале температур.

По узкой стальной лестнице (здесь, разумеется, имелся и лифт, обслуживающий все три палубы аппарата) Де Ла Клер поднялся в свой дом и закрыл тройную заслонку. Прошел в одну из кают, включил освещение. Тер привычно улегся на мягкий коврик у порога, положив тяжелую голову на могучие лапы. Де Ла Клер снял с груди большую золотую звезду с алмазом в центре, вынул драгоценный камень и вставил ее в гнездо информационного блока. На большом настенном дисплее стали появляться недавние снимки: княжна Элеонора, маркиз со шпагой в руке, секунданты, раненый де Морье, наконец, предмет, испугавший дворян. Граф взгляделся в изображение, вздохнул и продолжил просмотр. Опять княжна... Дальше багряный свет неземной зари. Система Рубина? Видимо, попался уже использовавшийся ранее кристалл... Де Ла Клер подошел к экрану, разглядывая зловещий ландшафт под лучами красного светила. Рубин... Эта звезда не значилась ни в одном из астрономических каталогов, и у неё даже фактически не было собственных галактических координат – красный карлик, обладающий феноменальной скоростью, песчинкой затерялся в огромном холодном пылевом облаке где-то далеко за границами Галактики. У Рубина была лишь одна планета, и на этой планете царили страшно черные ночи, потому что на небосклоне ее никаких светил, скрытых пылевым облаком, ни в какой телескоп обнаружить было невозможно...

Глава первая

I

Цепь угрюмых багровых скал скрывала горизонт. В мрачном свете огромной (для обеспечения описанных климатических условий видимый диаметр звезды спектрального класса МЗ должен втрое превышать солнечный, что соответствует радиусу орбиты в 10–15 млн. км.) рубиновой звезды глубокая прозрачная вода озера казалась совсем черной. Елена проводила взглядом катер, идущий под высоченной каменной стеной противоположного берега.

– Кто это? – спросила девушка, оглядываясь на своих спутников.

– Граф прибыл, – с неприязнью сказал Клод.

Елена поднялась с камня и улыбнулась Крейгу:

– Как вы все его не любите!

– А вы, Эллен? – мягко спросил Крон.

– Ближе десяти метров я к нему еще не подходила, – рассмеялась Князева.

Судно повернуло к берегу и, не сбавляя скорости, понеслось на камни. У эллинга водитель резко развернул катер, погасив инерцию, и подвел его к причалу.

– Опять выставляется! – сплюнул в сердцах Клод Редли и зашагал от воды прочь.

Бортинженер усмехнулся и повернулся к Елене:

– Клер вовсе не так уж плох, просто мыслит он иными категориями. Я готов даже предположить, что он лучше и умнее всех нас, вместе взятых. Ведь так часто собственную серость и ограниченность мы ставим выше превосходного, но чужого ума.

На мостки поднялся человек.

– Любуйтесь Клером, – сказал Крейг.

А тот уже шел к ним, высокий и стройный, летящей, чуть неровной походкой, глядя поверх голов.

– Выглядите вы превосходно, Андрэ, – насмешливо произнес Крон и с иронией добавил. – Хорошо провели время?

Только сейчас Елена разглядела хрупкого, пожалуй, даже слишком изящного для мужчины, молодого человека. У него была красивая, гордая голова, стройная шея гимнаста, темные с золотом волосы, черты лица правильные, несколько мягкие. А глаза... Все на свете забудешь.

– Вы необычайно остроумны, Крон, – устало сказал Клеверов, проходя мимо. – Видимо, наконец, настала и ваша очередь утешаться?

– Андрей Николаевич! – возмущено заговорила Елена и осеклась, наткнувшись на холодный ненавидящий взгляд.

– Он всегда такой, Эллен, – тихо сказал Крейг, когда их собеседник скрылся среди камней.

– Странно... Кажется, природа дала ему все, почему же в нем столько зла?

– задумчиво проговорила Князева. – Глупый человек...

– Вы слишком категоричны. У любого из нас достаточно оснований заявить, что он живет среди полных идиотов. А Клер... впрочем, вам предстоит работать с ним, и очень скоро вы узнаете Андрэ лучше, чем я.

Крейг посмотрел на часы.

– Нам пора, Эллен.

Они вернулись в помещение станции и прошли в зал, где собрались все члены экспедиции. Елена опустилась на стул рядом с Клеверовым – больше свободных мест не было. Молодой человек немедленно отвернулся.

– Господа! – начал Гран Вейчл – командир экспедиции, статный сорокалетний мужчина с суровым волевым лицом. – Работы по оборудованию станции практически окончены, обслуживанием и настройкой аппаратуры займутся: штурман Вер Альг, второй пилот Луа Рест и механик Гер Эст. Руководство – бортинженер Крон Крейг. Группа планетологов будет выполнять свои непосредственные задачи. Контроль осуществляет пилот-инженер высшей категории Андрей Клеверов.

– Давать Клеру группу – это все равно что пустить слона в посудную лавку, – заявил Руал Вег.

– Вы полагаете, Вег, мне доставит удовольствие руководить такими кретинами, как вы? – усмехнулся Клеверов.

– Андрэ! – резко сказал Вейчл.

– А что?

– Вы неправильно себя ведете!

– Ну и что? – нагло ответил инженер, никого, впрочем, не удостаивая взглядом.

– Объясните, господин Вейчл, – раздраженно произнес Вег. – Почему я должен работать с этим хамом?

– А разве у вас хватит ума на самостоятельные действия? – насмешливо сказал Клеверов.

– Клер! – вышел из себя командир, но, тут же овладев собой, добавил. – Будьте добры, предоставьте мне метеосводки за последние трое суток.

Молодой человек зло усмехнулся, поднялся и вышел из зала.

– Черт бы вас всех побрал! – стукнул огромным кулаком по столу планетолог Рагнер. – Неужели никто из вас не может дать ему в зубы? Мне, что ли, этим заниматься? Я же сразу дух вышибу из этого хлюпика!

– Ты очень самоуверен, Билл, – заметил Редли. – Я знаю Клера лучше, чем любой из вас. Мы учились в одной летной школе, откуда меня, впрочем, отчислили... Конечно, у него уже тогда было два высших образования, и однокурсники были для него не более, чем воздух. Там он и получил кличку «Граф». Способный, черт подери, был курсант! А наглости... Избить его парни сколько раз собирались, да боялись подступиться, куда там!

– Вот что! – остановил его Вейчл. – Я не меняю своего решения – Клер будет руководителем группы, и вам всем придется смириться с его характером. Все, отдыхайте!

– Какой тут отдых... – пробормотал штурман.

– Что? Мне вас развлекать что ли? Гуляйте, пейте, танцуйте сколько душе угодно, а утром – за работу!

Крейг подобрал в микропроигрывателе танцевальную мелодию.

– Альг! Покажите-ка нам класс!

Вер Альг, признанный танцор, подошел к Ирине Ветровой и поклонился. Девушка улыбнулась и подала руку.

Вошел Клеверов и протянул электронную планшетку командиру. Оба они тут же углубились в изучение диаграмм и графиков, просматривая их по очереди на небольшом мониторе.

– Разрешите, Эллен, – наклонился к Князевой Крейг.

– Простите, Крон, – с улыбкой ответила она. – Я хочу пригласить Клеверова.

– Да что вы, Эллен! Он вам сейчас такой вальс устроит!

Елена отмахнулась, прошла через зал и остановилась у кресла Клеверова.

– Андрей Николаевич, можно вас... пригласить?

Клеверов поднял голову и красивый рот тотчас исказила гримаса.

– Идите, Андрэ. Я прошу вас, – торопливо прошептал командир.

Клеверов поднялся, резким движением головы откинул назад буйные волосы.

– Вы умеете?... – пролепетала Елена.

Не ответив, он взял девушку за руку, смело привлек к себе и сильным уверенным поворотом с места повел ее в танец.

У Елены закружилась голова, она сбилась раз, другой, но искусный партнер предугадывал все ее ошибки.

– Спасибо вам, Андрей Николаевич, – прошептала Елена, когда мелодия кончилась. – Кажется, мы с вами летали...

– Бросьте, Эллен, – сказал Уильям, оказавшийся рядом. – На мужчину он все равно не потянет...

Он не договорил. Клеверов ударом ноги выбил из-под него кресло. Планетолог с грохотом рухнул на пол, но мигом вскочил и, трясясь от злобы, бросился на инженера. Тот сделал стремительный шаг в сторону, поймал противника за запястье, ударил ногой в живот так, что Рагнер со стоном перегнулся пополам, а затем двинул другой ногой чуть ниже поясицы... Уильям отлетел к стеллажам с аппаратурой, ударился, а сверху на него посыпались пустые футляры из-под приборов. Ухватившись за стойки, планетолог выпрямился и снова кинулся на Клеверова.

– Прекратите! – крикнул Вейчл, предусмотрительно, впрочем, державшийся на расстоянии.

На этот раз Рагнер отлетел к другой стене, сломав по дороге два пластиковых стула. На четвереньках он кое-как добрался до дивана. Подошедший Крейг помог ему подняться на подушки.

– Здорово же ты дал ему, Билл, – ухмыльнулся Редли, когда Клеверов вышел.

– Заткнись! – рявкнул тот, сплевывая кровь.

– Не ты первый, Билл. Многие через это прошли. Обычно никто толком и замахнуться не успеет, а Граф уже три раза ударит.

II

Клеверов достал из поясной сумки электронный планшет и, положив его на нос катера, стилусом обозначил маршрут.

– Полагаю, Вег, мне нет необходимости портить пейзаж видом вашей унылой физиономии. Можете действовать самостоятельно, осмотрите... – он перечислил координаты и соответствующие им районы.

– Ясно?

Вег поморщился.

– Действуйте, – Клеверов отвернулся, вынимая вторую планшетку.

– Андрей Николаевич... Возьмите меня с собой, – робко попросила Елена.

– Вот как, – холодно сказал Клеверов.

– Я прошу вас...

В ответ – презрительная улыбка, ледяной взгляд.

– Ну что ж... Пойдемте.

Вег и Рагнер, разобрав приборы, зашагали к скалам. Елена перевела взгляд с Клеверова на них. Какой контраст! Те двое – в грязных мешковатых комбинезонах, бородастые, с темными опухшими лицами. А Андрей...словно из другого мира...

Они долго шли по безотрадным местам среди древних потоков лавы, время от времени, в соответствии с положениями контракта, записывая на диктофон собственные впечатления от всего увиденного, которые ценились их работодателями не меньше, чем целый ряд параметров, отмечаемых автоматически всеми имеющимися при себе приборами. Елене пришлось нелегко. Клеверов двигался быстро, прыгая через трещины и камни, словно забыв о своей спутнице. Часа через полтора, пройдя более десяти километров, они оказались у подножия вулкана. Дальше идти пришлось по неровным острым кускам шлака, а из под ног вниз все время скатывались камни. Над вершинами далеких гор поднялся огромный багровый шар Рубина. А Клеверов все также неумоимо шел в гору, не оглядываясь на Елену. Километр за километром, ни одной травинки, только пепел, шлак и глыбы лавы. К исходу четвертого часа Елена выбилась из сил.

– Андрей Николаевич, давайте отдохнем. Я больше не могу.

Молодой человек остановился, взглянул на измученную спутницу и вдруг улыбнулся – просто и хорошо. От неожиданности девушка споткнулась о первый же камень. Клеверов поддерживал Елену и больше уже не выпускал ее руки. Скоро они поднялись на ровную площадку, почва которой состояла из тонкого пепла.

К краю кратера тянулись глубокие трещины. На несколько сотен метров вниз опускались почти вертикальные стены. В самом кратере все еще бродили туманы, сквозь которые блесло большое темно-синее озеро. Чуть в стороне от места, где они стояли, сплошная стена оказалась разорванной огромной выемкой, где проходил гигантский лавовый поток, поднимавшийся со дна кратера в виде исполинской лестницы. С вершины открывался безрадостный вид. До самого горизонта тянулись группы черных и багровых скал, разбитых глубокими ущельями. Местами с гор спускались огромные лавовые потоки, обрывавшиеся в виде гряд на поверхности маленьких плоскогорий и долин. Во всем этом была суровая мрачная красота дикого вулканического ландшафта, который даже не оживляли узкие морские заливы, изрезавшие прибрежные районы. Около часа они спускались по лавовому потоку к озеру, а потом, остановившись у самой воды, несколько минут отдыхали на прибрежных камнях.

– Можно, я искупаюсь? – неуверенно спросила Елена.

Клеверов кивнул. Девушка быстро разделась, осторожно соскользнула в воду и, оттолкнувшись от камней, быстро поплыла к центру озера.

– Присоединяйтесь, Андрей Николаевич! – обернувшись, задорно крикнула она.

Ответа не последовало. Через несколько минут Елена выбралась на берег и остановилась перед молодым человеком. Ее серебристый купальник ослепительно блестел в лучах Рубина. Клеверов мельком глянул на девушку и равнодушно отвел глаза.

– Я вам не нравлюсь? – с улыбкой спросила Князева.

– Напротив, Лена. Ведь я эстет – поклонник прекрасного.

Это были его первые слова за последние часы. Голос спокойный, на удивление приятный. Взгляд задумчивый, отрешенный. Елена поняла, что не ошиблась – не мог человек с такими глазами быть негодяем, каким его считали члены экспедиции.

– Какой вы странный, Андрей Николаевич.

– Вы находите меня странным, Лена? А какой же я должен считать вас, принимая во внимание вашу настойчивость?

Девушка опустила у ног Клеверова и снизу заглянула ему в глаза.

– Но ведь вам же плохо одному! Неужели вы станете отрицать это?

– К чему? Вы правы. Но не нужно брать роль спасительницы, она вам не по силам, – он улыбнулся. – Оденьтесь, Лена.

– Чутьочку подсохну... Я вас не очень смущаю? Опять напротив?

Елена уже привыкла замечать во взглядах мужчин признаки зарождающейся страсти. Но глаза Клеверова оставались спокойными – так смотрят на картину или статую люди, обладающие тонким художественным вкусом.

– О чем вы думаете, Андрей Николаевич? Наверное, жалеете, что взяли меня с собой?

– Конечно, нет. Только не обольщайтесь, Лена.

– Прежде мне казалось, что все мужчины одинаковы.

– Теперь вы иного мнения?

– Да, – задумчиво ответила девушка, поднимаясь с камня. – Когда мы вернемся, вы опять станете прежним?

– Глупая Лена, – улыбнулся молодой человек. – Я очень постоянный, просто не умею прощать.

– Буду очень осторожной! – весело сказала Елена.

– Нам пора. Одевайтесь, пожалуйста, – он отвернулся, оглядывая стены кратера.

Потом они долго шли по лавовому туннелю, постепенно опускавшемуся вниз. Вода, просачивающаяся сверху, через хрупкий потолок, созданный застывшей лавой, собиралась в подземные лужи и ручьи. Елена все время скользила и спотыкалась, а Клеверов поддерживал ее.

– Неужели вы совсем не устаете? – спросила Князева, когда они вышли из туннеля у подножия вулкана.

– Страшно устаю, Лена. Иногда вечером стоит лишь присесть и уже нет сил подняться.

– Я спрашивала о вас у одной девушки, вашей бывшей однокурснице по университету. Она сказала, что вы всю юность изводили себя сумасшедшими тренировками. Это происходит и сейчас, наверное, поэтому у вас на другое и не хватает сил?

– Моя жизнь – совершенно иная мера ценностей.

– И, конечно, в ней нет места человеческим слабостям и страстям? Вы, наверное, как праведник в пустыне...

– Я всегда стоял за разумный аскетизм. Да и жил, пожалуй, действительно в другом мире, поставив себя выше человеческих страстей.

– С вашей внешностью! – улыбнулась Елена. – Сколько разбитых сердец!

– Внешность в значительной степени тоже следствие всесторонней системы психофизической гигиены. Красота – это здоровье, и вы знаете это не хуже меня.

– Да, здоровья у вас хватает, никогда не забуду, как вы расправились с Рагнером.

Клеверов вздохнул.

– Последние годы, Лена, я провел в очень нервной обстановке. Поэтому со мной иногда случаются подобные истории. Я был неправ, Билл – славный парень, просто природа наделила его излишней силой за счет ума.

– Расскажите о себе, Андрей Николаевич.

– Потерпите, Лена.

Вег и Рагнер ждали их у катера, успев уже дважды пообедать.

– Вы бы хоть образцы собирали, господин Клер, – раздраженно сказал Вег.

– А то у вас одни женщины на уме...

Глупость этих слов была очевидна – аскетизм Клеверова стал поговоркой. Руал произнес свою фразу лишь потому, что хотел сказать что-нибудь оскорбительное, но мысли его, к несчастью, не шли дальше определенных вопросов...

– Действительно, – злобно добавил Рагнер. – Развлекается с девкой, а мы...

Уильям поперхнулся, поняв по лицу Клеверова, что ему выбьют зубы прежде, чем он закончит фразу.

– Андрей Николаевич! – крикнула Елена. – Не нужно! Я умоляю вас!

И Клеверов сдержался, но после до конца дня не произнес больше ни слова.

III

Потом потянулись долгие тоскливые дни. Суровые ландшафты, темно-синее небо и огромный Рубин действовали угнетающе. Люди становились все раздражительней и нетерпимей друг к другу. Елена все больше боялась оставаться с кем-нибудь наедине. Большую часть времени она проводила теперь в лаборатории, куда Рагнер ежедневно доставлял новые образцы.

– Где же ваш шеф, Билл? – однажды спросила его Елена.

– Соскучились, что ли? – хмуро ответил тот. – Шатается где-нибудь по горам, где же ему еще быть?

– Больше не дерется? – вновь спросила девушка.

Рагнер рассердился и ушел, хлопнув дверью. Елена вздохнула и, закрыв лабораторию, вышла из вспомогательного корпуса станции. Рубин, все больше темнея, опускался к горизонту. Девушка пошла вдоль берега озера, следом покатился маленький пушистый комок – щенок, подаренный Елене одним из поклонников накануне отлета экспедиции. Князева взяла щенка на руки и опустилась на плоский камень у самой воды.

– Мы слишком увлеклись локальными исследованиями, – вдруг услышала Елена голос командира. – А результатов практически не получено никаких. Мы обнаружили лишь два десятка видов примитивных животных, да несколько тривиальных насекомых.

– Я думаю, Гран, будет слишком рискованно лететь сейчас вглубь материка, – девушка вздрогнула – голос принадлежал Клеверову. – Было бы преждевременно делать выводы, но нам с вами следует опасаться Вега и его компании.

– Что вы имеете в виду, господин комиссар?

– Похоже, я встречался с Вегом прежде, и, кажется, он меня узнал. При необходимости вы можете положиться лишь на Рагнера, Крейга и врача. Первый страдает недостатком интеллекта, двое других – некоторой робостью. Ну, а в целом, – в голосе Клеверова зазвучала ирония, – они дополняют друг друга.

– Вег-человек Мелиора Мелана? – спросил командир.

– Думаю, что так.

– А Князева? – снова спросил Вейчл.

Елена затаила дыхание. Но Клеверов не колебался ни минуты.

– Славная девочка, – ответил он. – На удивление... Вы знаете, Гран, при существующем положении вещей со мной может случиться все что угодно. Вы должны ясно сознавать это и при необходимости без моей помощи привести корабль к Земле. Фактически, мы заблудились в пылевом облаке, Рубин обладает огромной пространственной скоростью, а координаты его нам неизвестны. Словом, нет никаких данных для астронавигационных исчислений.

– Я опасался, что мы не сможем выбраться отсюда.

– На «Кванте», в шкафу моей каюты, вы найдете электронную записную книжку с расчетами режимов надпространственного полета. Помните, что необходимо сделать поправку на время, проведенное здесь. При ошибке вы попадете в другой пространственно-временной континуум. И еще... Я сожалею, что доставил вам так много неприятностей...

– Да что вы, господин комиссар!

Щенок неожиданно спрыгнул с колен Князевой и побежал прямо к Клеверову, выдав девушку с головой. Инженер наклонился и поднял мягкий шелковистый шар. Елена вышла из своего укрытия. Вейчл только покачал головой.

– Какой у вас замечательный пес, Лена, – весело сказал Клеверов. – Как его зовут?

– У него странное имя – Тер.

– Тер – это порода. Ну, раз вы его так зовете, пусть будет Тер, – инженер опустил щенка на землю. – Он будет большой и сильный, так что оправдает свое имя.

– Будет как настоящая большая собака? – наивно спросила Елена.

– Больше, Лена, гораздо больше, примерно как хороший теленок. Это неземная порода и, строго говоря, вообще не собака. Теры очень сильны, преданны и умны. Растут быстро, а живут долго, как люди, – Клеверов повернулся к командиру. – Позднее мы еще обсудим с вами некоторые вопросы.

Вейчл кивнул и взглянул на Князеву:

– Эллен! Содержание нашей с комиссаром беседы не должен больше узнать никто.

Командир направился к станции. Елена проводила его взглядом и, с минуту помолчав, сказала:

– Андрей Николаевич, Вейчл назвал вас комиссаром...

– Я действительно комиссар охраны межзвездных трасс, – устало ответил Клеверов. – Вы смотрели известный видеосериал «Звездные Судьи»?

– Да, конечно, – кивнула Елена. – Он вызвал сенсацию, особенно когда сообщили, что главный герой, Сеймур Лейк – реальный человек.

– Три года я работал под этим именем, Лена.

В глазах девушки появилось выражение ужаса, невольно она отступила на шаг от своего собеседника. Клеверов горько усмехнулся и медленно пошел прочь. Через несколько минут Князева нагнала его.

– Простите, Андрей Николаевич, это страшно... Вы прошли через ад и сотни раз рисковали жизнью...

– Да кому она нужна, моя жизнь? – холодно произнес Клеверов. – Я решился взяться за эту работу, движимый лишь единственной целью – внести в свое существование хоть какой-нибудь смысл. Но довольно об этом, Лена. Человеческая жизнь, в ряде случаев, и без того ужасна, не следует вносить в нее чужие страдания. Видите, вас ищет Крейг. Бегите к нему – с ним будет просто и спокойно.

Уходя, он кивнул подошедшему бортинженеру.

– Как вы думаете, Крон, – тихо сказала Елена. – Может ли быть несчастлив щедро одаренный природой человек?

– Был бы мученик, Эллен, а страдания всегда найдутся, – чуть улыбнулся Крейг. – Вы что, обидели нашего красавца? У него вид как на похоронах.

– Кажется, ему очень плохо, – задумчиво произнесла Елена.

– Ничего, Эллен, мы с вами его быстро расшевелим, только не переживайте.

– А вы не боитесь?

– Конечно, боюсь. Ну, я думаю, вы заступитесь за меня?

– Вы же мужчина, Крон, а просите защиты у женщины, – рассмеялась Елена.

– Не хочется, Эллен, связываться с человеком, который ударом кулака пробивает двухдюймовую доску, а ребром ладони разбивает камни. Все это я видел собственными глазами. Судя по результату, с Биллом он обошелся очень корректно.

Рано утром Елена и Крейг встретились у стоянки катера. Через несколько минут подошел Клеверов. Неизменно элегантный, чуть бледный после трехчасовой утренней тренировки.

– Чему обязан чести? – с иронией спросил он.

– Вот, решили сопровождать вас, – ответил Крейг.

– Очень снисходительно с вашей стороны, – усмехнулся Клеверов и жестом предложил им занять свои места.

Елена не заставила себя просить дважды, Крейг же не шелохнулся.

– Я хотел спросить у вас, Андрэ, – сказал он. – Вам ни о чем не говорит имя Сеймур Лейк? Клеверов взглянул на сидевшую в рубке катера Елену. Девушка покачала головой.

– Я услышал его сегодня утром, – продолжал бортинженер. – В разговоре между Вегом и Редли. Речь шла о вас.

– Спасибо, Крон. Теперь сомнений нет... Садитесь же!

– Я буду третьим лишним, – рассмеялся Крейг.

– Скорее, напротив, – чуть улыбнулся и Клеверов. – Тем более, что я не соперник вам...

День прошел незаметно. Клеверов бродил среди скал, поглядывая на наручные анализаторы и делая пометки в электронном блокноте. Елена, следуя за ним, иногда собирала мелких представителей флоры и фауны (из тех, что упустили автоматы). Клеверов был неизменно ровным, внимательным, хотя почти все время молчал, и разговоры их не шли дальше работы. Также прошел и второй день, и еще несколько последующих. Елена стала брать с собой Тера, и щенок теперь не отходил от Клеверова, уже считая его своим хозяином. По утрам девушка старалась не опаздывать, но Андрей неизменно дожидался ее у причала. С удивлением Елена отметила, когда, наконец, стал исчезать ледяной холод в глазах этого человека, что он выглядит порой совсем юным, намного моложе своего ровесника Крейга.

– Вам нравится этот мир? – однажды спросила девушка Клеверова, пытаясь найти тему для разговора.

Молодой человек окинул взглядом суровые безмолвные скалы, обступавшие долину, взгляделся в бездонное темно-синее небо и только тогда посмотрел Елене в глаза.

– В нем есть своя неповторимая красота, – задумчиво произнес он. – Багряные тона – словно свет угасающей зари – источник безотчетной печали. Может быть, здесь как нигде, находясь в одиночестве, человек почувствует ничтожество собственных страстей, и это откроет ему путь к нравственному совершенствованию и познанию самого себя.

– Вы любите одиночество? – решила спросить Елена.

– Большую часть детства и почти всю юность я был одинок, – ответил Клеверов, глядя куда-то вдаль. – Хотя всегда рядом были люди. Временами мне казалось, что я наконец вырвался из этого все сжимающегося кольца, но это был лишь самообман, не более. Видимо, одиночество – это скорее свойство натуры, а не среды. Порой в печали мы находим утешение, а в страданиях – горькую радость. Может быть, поэтому не столь уж сложно пренебрегать собственными желаниями.

Он замолчал, продолжая смотреть на далекие остроконечные вершины гор.

– А женщины, Андрей Николаевич? – с болью спросила Князева.

– Неужели они не вносят в вашу жизнь радость и смысл?

– У меня нервная, впечатлительная натура, Лена. Периодически я страдаю головными болями и бессонницей, и то, и другое является следствием общения с людьми. Я мало сплю, мало ем и очень много двигаюсь. Движение – одна из немногих радостей моей жизни.

– Вы не ответили, Андрей Николаевич.

– Просто вы не поняли, Лена. Я нахожу излишним давать подробные объяснения, поскольку вы сами женщина.

– Девушка, – с улыбкой поправила Князева.

– Речь не об этом. Вы прекрасная спутница, пока испытываете четкое желание нравиться. Со временем любые отношения теряют свою привлекательность, и мы уже имеем дело с обнаженной насквозь порочной человеческой натурой.

Несколько минут они молча шли рядом. Елена внимательно посмотрела на собеседника.

– Вы тоже хотите нравиться, Андрей Николаевич. Разве не больше всех вы уделяете внимание своей внешности?

– Конечно, Лена, – чуть улыбнулся Клеверов. – Я жить не могу без поклонения. Отсюда стремление к совершенству и продлению молодости.

– Как собака на сене... Вы не находите это безнравственным?

– Оставим этот разговор, Лена.

Они подошли к катеру. Девушка остановилась у берега, стараясь не смотреть на Клеверова.

– Отойдите от воды, Лена, – вдруг резко сказал он.

Елена вздрогнула, но тут же отшатнулась, увидев как беззвучно вспенилась вода. Клеверов сильно толкнул девушку, она упала, ударилась и, приподнявшись, увидела, как молодой человек, стоя над ней, стрелял по каким-то рвущимся на берег шипящим коричневым кло-чьям. Мощные световые импульсы расплавили породу, от жара с треском стали раскалываться камни, закипела вода, потом наступила тишина. Клеверов вложил пистолет в кобуру и помог подняться Князевой.

– Простите мою бесцеремонность.

– Вы очень обходительны, – все же улыбнулась девушка.

IV

На рассвете Вейчл, взяв с собой Крейга и Хорнера, полетел на одной из двух исправных машин вглубь материка. Через десять минут полета, когда внизу показались первые долины с буйной растительностью, двигатели начали давать перебои. Вейчл принял решение вернуться на станцию. Поворот не удался, и ракетоплан совершил вынужденную посадку среди скал. На связи сидел Рагнер, он и принял первое сообщение с потерпевшей аварию машины.

– Билл, – сказал Крейг. – Наши дела плохи. Посадка вызвала лавину. Люки придавило так, что мы даже их разгерметизировать не можем. Запаса воздуха хватит часа на три, не больше. Пусть Клер решит, как лучше поступить.

Рагнер на минуту задумался, он и сам знал, как нужно поступить, но он не был пилотом и никогда не сумел бы посадить машину в горном районе. Уильям повернулся к двери и увидел Вега, следом вошла вся его компания и обе девушки.

– Слышали? – спросил Рагнер.

– Слышали, – ответил Вег за всех. – Однако куда же ты, Билл?

– Как куда? – растерялся Уильям.

– Сядь, Билл. Давай разберемся. Ты же знаешь Звездный устав не хуже нас.

– Ну и что?

– Тринадцатый параграф сверхдальних рейсов: если спасение членов экспедиции связано с большим риском, то этот вопрос ставится на голосование всего наличного состава экспедиции. Так вот, Билл: у нас лишь одна исправная машина, и неизвестно, удастся ли еще отремонтировать другую, а мы ведь ещё вернуться на корабль должны...

– Ну, а малый звездолет?

– Его никогда не посадить среди этих скал. Так что, Билл, мы против этого риска, и нас – большинство!

– А о Клере вы подумали?

– С ним у нас другой разговор.

– Значит, Руал, ты предлагаешь мне бросить командира и его ребят? – медленно произнес Рагнер.

Он поднялся – головой выше всех и парни Вега даже притихли, глядя на эту могучую фигуру. Уильям схватил Руала за ворот куртки и приподнял над полом.

– Негодяй...

Гер Эст, обойдя Рагнера, стукнул его тяжелым гаечным ключом. Уильям пошатнулся, качаясь, сделал несколько шагов. Механик пошел следом и ударил еще дважды... Князева вскрикнула.

– Молчать! – с ненавистью сказал Вег. – Ирен! Действуйте, как договорились, зовите Клера. А вы, Эллен, улыбайтесь, черт побери, да веселее!

Альг и Эст встали у дверей. Вег остался рядом с Князевой, остальные заняли позицию ближе к столу.

– Только посмейте что-нибудь сказать, Эллен, – жестко произнес Руал.

Дверь отодвинулась.

– Защищайтесь, Андрей Николаевич, – быстро сказала Елена и закрыла лицо руками, чтобы не видеть схватки.

Наверное, Клеверов сразу оценил ситуацию и принял решение.

– Напрасно вы это затеяли, безумцы, – с горечью произнес он и переступил порог.

Секундой позже Елена услышала дикие крики, хруст пластиковой мебели, грохот падающих тел и душераздирающие стоны. Потом сразу наступила тишина. Девушка наконец решилась взглянуть на происходящее.

Переступая через обломки мебели, Клеверов подошел к Рагнеру и склонился над ним.

– Что с Биллом? – тихо спросила Елена.

– Он умер... Напрасно Вейчл не посчитался с моими указаниями, – Клеверов оглянулся на Ветрову, стоящую в дверях. – Вы хотите что-то сказать?

– Нет...

– И у вас нет желания предупредить меня, что вторая машина также потерпит аварию?

– Вы...

– Это очень просто. Вег сознательно вывел из строя оба ракетоплана, потому что не знал, какую из машин выберет Вейчл, тем более что я вынужден буду лететь за командиром на другом ракетоплане. Теперь и времени на поиски неисправности нет...

– Я ничем не могу помочь вам?

– Конечно, нет. Жаль, Ирина, что вы, интересная, образованная девушка, связались с организацией Мелана, – сказал Клеверов и, уже выходя, добавил. – Окажите помощь вашим коллегам.

Елена догнала его уже в ангаре.

– Вы полетите, Андрей Николаевич?

Клеверов кивнул, открывая входной люк машины.

– Я с вами, – решительно сказала девушка.

– Это опасно, Лена. Впрочем, – чуть улыбнулся он. – Парни скоро очухаются, и оставлять вас с ними наедине – безрассудство.

Все произошло также, как и с машиной Вейчла. Через десять минут двигатель вышел из строя. Клеверов пытался избежать аварии, но его искусство не помогло – в руках пилота был не планер, а скоростной ракетоплан. Машина упала на камни, обломала крылья и, протаскившись несколько десятков метров по огромным плитам, замерла под отвесной скалой.

Потом Клеверов более двух часов, работая обыкновенной киркой, с ожесточением дробил и откидывал камни от верхнего люка ракетоплана командира. Все это время Елена следила за молодым человеком, не решаясь даже подойти и чем-нибудь помочь. Наконец освобожденная плита люка ушла в сторону. Трое чуть живых астронавтов выбрались из машины.

– Я знал, Андрэ, что вы не оставите нас... – едва выговорил Вейчл.

Они еще долго старательно дышали сухим чистым воздухом. Елена кратко пересказала командиру утренние события.

– Значит, обошлось? – обращаясь к Клеверову, спросил Вейчл.

– Нет, Гран, – глядя в сторону, ответил молодой человек. – Они оказались сильными противниками... Я вынужден был дважды использовать смертельные удары...

– Что будем делать? – поспешил перевести разговор на другую тему Крейг.

– Идти, – ответил Клеверов.

– Долго?

– Дней шесть-семь.

– Так... – произнес Хорнер. – А пищи на один день...

– Бойтесь отощать? – усмехнулся Крон.

– Боюсь не дойти, – сухо ответил врач.

Груз оказался невелик, и они сразу пошли легко и быстро, как на прогулке. Клеверов все время шел впереди, порой оглядываясь и ожидая своих спутников, которые были неважными ходоками. Врач и бортинженер переговаривались с командиром, Елена большую часть времени молчала, а Клеверов до самого вечера не проронил ни слова. На привалах он садился в стороне и, глядя куда-то вдаль, думал о своем. Никто не решался его тревожить в эти минуты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.